

АГОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК СУДЕБНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

О.А. Крапивкина

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Россия*

В статье рассматривается агональность как прототипический признак судебных дискурсивных практик. Отмечается, что агональность как борьба за власть является одним из элементов культуры. Она присутствует в любом виде человеческой деятельности. Для обоснования тезиса об агональности судебных дискурсивных практик автор обращается к истории осуществления правосудия в Древней Греции и Древнем Риме, обращает внимание на особенности реализации данного признака в российском суде. В статье выделяются и анализируются три типа агональности: дискуссионная агональность, конфронтативная агональность и игровая агональность. Делается вывод, что агональность как прототипический признак судебной коммуникации обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных дискурсивных практик. Он задается относительно автономно, независимо от личностей участников судебного процесса. Материалом исследования послужили стенограммы судебных заседаний, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет, а также транскрипты судебного телешоу «Суд присяжных».

Ключевые слова: судебные дискурсивные практики; прототип; агональность; игра.

Способность придавать воспринимаемому упорядоченный характер, как отмечает Т.И. Семёнова, выступает организующим началом человеческого опыта. В ходе взаимодействия с миром говорящий «организует свое знание о мире, структурирует свой когнитивный опыт, т.е. подводит воспринимаемые и осмысляемые ситуации и сущности под разные категории и формализует этот опыт в языковых структурах» [11].

В данной главе мы рассмотрим судебные дискурсивные практики через призму получившей широкое применение в современной лингвистике теории прототипов, согласно которой признаки, организующие прототип, извлекаются из окружающего мира в результате его субъективного восприятия и осмысления.

Выявленные интуитивно, в ряду близких предметов или явлений, прототипические признаки наиболее четко и неизбыточно позволяют определить единицу. Они «не остаются всегда неизменно сохраняемыми, могут быть модифицированы или частично утрачены, т.е. иметь градуальную степень выраженности» [5]. Прототипические признаки не всегда обязательны, их число колеблется, они могут быть не очень четкими, «но это лишь открывает путь к поискам какого-то перехода к предмету или явлению, в котором этот признак выражен лучше, путь к отношению переходных явлений» [2].

Теория прототипов позволяет подойти к структуре объекта не на основе жесткого списка обязательных, наиболее существенных признаков, а на основе сходства с прототипом, который выявляется в результате субъективного восприятия и освоения окружающего мира.

Анализ текстов судебных дискурсивных практик, проведенный с опорой на теорию прототипов, позволил выделить пять признаков, кото-

рые, как представляется, образуют прототип судебной коммуникации: агональность, дуалистичность, нарративность, аргументативность и манипулятивность.

Объектом анализа данной статьи является признак «агональность».

Агональность как борьба за власть является одним из элементов культуры. Она присутствует в любом виде человеческой деятельности, любой дискурсивной практике, на что обращает внимание Ж.-Ф. Лиотар, рассматривая языковые акты как акты проявления агонистики жизни. Исследователь развивает идею дискурсивной агонистики в духе витгенштейновской теории языковых игр: «говорить – значит бороться – в смысле играть; языковые акты показывают общее противоборство (агонистику)» [4].

Идея состязания традиционно связывается с представлением об эллинской культуре. Так, Ф. Ницше, характеризуя специфику гомеровского общества, говорил об агональном воспитании, посредством которого достигалось благо и целостность общин [8]. Й. Хейзинга подчеркивал, что «антитетический и агонистический базисы культуры лежат в игре, которая старше и первичнее любой культуры» [13]. Исследователь подчеркивает, что агон устраняет все тягости, связанные с жизнью, мыслями и поступками, охватывая такую важную область древних обществ, как игровое состязание и поединок [13]. Игра-агон – это «борьба ненасильственными методами, в которой превосходство достигается путем соревнования в рамках установленных правил» [6]. Агональность – это стремление к тому, чтобы доказать свое превосходство, поэтому древние греки соревновались как в физических видах деятельности (Олимпийские игры), так и в духовных (поэзия, театр).

Агон как словесный поединок стал основой

древнегреческих судебных дискурсивных практик. В VI–II вв. до н. э. «греческий судебный процесс выглядел как состязание обвинения и защиты перед многочисленной коллегией судей (ареопагом). Право возбуждать обвинение принадлежало каждому гражданину. Расследование начиналось с рассмотрения возражений. Стороны могли представлять доказательства. По окончании следствия все доказательства помещались в медные или глиняные сосуды (ехины), и в суде можно было ссылаться только на эти доказательства. По наиболее важным делам для выступления в суде Народное собрание могло назначить до 10 обвинителей. По делам частного обвинения выступали сами потерпевшие. Постепенно возникла профессия судебных ораторов. Стороны имели равное время для выступления в суде. Процесс начинался с оглашения жалобы потерпевшего, затем выступали стороны, перемежая свои речи допросами свидетелей и чтением законов» [10].

Принцип агональности лежал и в основе древнеримского судебного процесса. «Производство в суде на форуме (60 судей из патрициев), в комициях и базиликах (*in iudicium*) было устным, гласным и состязательным. Публичное обвинение поддерживали ораторы, защиту подсудимого осуществлял глава семейства (*pater familias*), который покровительствовал не только кровным родственникам, но и другим лицам, добивавшимся его расположения и поддержки. Агональный характер процесса определялся формулой *audiatur et altera pars* (да будет выслушана и другая сторона)» [10].

В Средневековье судебный процесс утратил агональный характер, превратившись в инквизиционный. Это можно объяснить переходом функций изобличения преступников от частных лиц (потерпевших) к церкви и государству. Задачи уголовного преследования, защиты и принятия решений по делу осуществлялись одним органом, который сам возбуждал уголовное преследование, расследовал обстоятельства дела, собирал доказательства и принимал все решения по делу. Слушание дела происходило тайно при полном отсутствии защиты.

Возрождение принципа состязательности «началось в XVIII–XIX веках под влиянием гуманистических взглядов Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Д'Аламбера, Гоббса, Локка и др. Принятая в результате Великой французской революции Декларация прав человека и гражданина (1789) отвергала инквизиционное построение судебного разбирательства» [10]. Такой же характер носили английские Великая хартия вольностей (1215) и Habeas Corpus Act (1689), американские Конституция (1787) и Билль о правах (1791). В результате такого развития правосудие в Европе и Северной Америке стало опираться на принцип, предполагающий активность сторон и других лиц, участвующих в деле, в доказывании и обосновании своей позиции в споре. Решение стало приниматься в результате взвешенного рассмотрения позиций оппонировавших сторон третьей независимой стороной (судьей).

В России принцип агональности реализуется в несколько усеченном виде, что проявляется в более активной роли судьи при рассмотрении дела. В советский период истории противоборствующие стороны имели неравный статус. У прокурора было гораздо больше полномочий, чем у защитника, поскольку он осуществлял функции надзора за законностью действий всех участников судебного процесса, в том числе и судьи. В современной России пассивная роль суда по отношению к состязующимся сторонам закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе. Однако анализ эмпирического материала позволяет предположить активное дискурсивное поведение российских судей.

Агональность как признак судебной коммуникации рассматривается в работе В.В. Богомазовой, А.А. Солдатовой, И.В. Палашевской. Так, В.В. Богомазова считает, что агональность связана с «намерением участвующих в судебном процессе оппозиционных сторон (адвоката – прокурора) победить в сложившемся споре» [1]. А.А. Солдатова, отождествляя свойства состязательности и агональности, отмечает, что они являются неотъемлемой составляющей судебной речи, поскольку исход судебного дела определяется в терминах «проигрыша и «выигрыша». В качестве основополагающего агонального средства исследователь выделяет аргумент, посредством которого обосновывается позиция участника спора [12]. И.В. Палашевская полагает, что агональное взаимодействие открывает свободный путь для борьбы точек зрения в ходе судебного разбирательства. Каждая сторона пытается навязать адресату ту интерпретацию фактов, которая приведет к наиболее выгодному ей результату, а этическая идея о правоте/неправоте уступает место представлению о победе/поражении [9].

Как представляется, агональность следует рассматривать не только как имманентный признак судебной коммуникации, но и как одно из базовых свойств юридических дискурсивных практик в целом, поскольку взаимодействие в правовом поле всегда связано с интенцией борьбы за укрепление власти, позволяющей агентам-экспертам управлять социальным взаимодействием.

Речевое взаимодействие в судебном процессе организовано вокруг конфликта интенциональных состояний процессуальных оппонентов. Коммуникация направлена на разрешение данного конфликта, однако речь при этом редко идет о компромиссе: как правило, одна из сторон получит желаемое, а другая «уйдет ни с чем». Каждая из сторон ставит цель, исключаящую достижение цели оппонировавшей стороной.

Вывод об агональности судебных дискурсивных практик мы делаем на основе следующих характеристик:

- 1) противоборствующие стороны: прокурор и адвокат;
- 2) взаимоотношения участников: соперничество, разногласия, стремление к победе, вражда, нетерпимость;

3) предпосылки: разница интенциональных состояний;

4) коммуникативная цель: доказать виновность/невиновность подсудимого;

5) использование средств аргументативного и манипулятивного воздействия на сознание адресата;

6) результат: победа (обвинительный или оправдательный вердикт).

Для характеристики агонального взаимодействия в суде присяжных привлечем классификацию Е.И. Шейгал и В.В. Дешевой, которые по характеру ведущей интенции выделяют три разновидности: дискуссионную, конфронтативную и игровую агональность [14]. Анализ эмпирического материала позволил обнаружить в судебных дискурсивных практиках все три типа.

1. В основе дискуссионной агональности лежит победа в борьбе противоборствующих сторон. Обвинитель и защитник стараются превзойти друг друга в умении убедить присяжных в виновности/невиновности подсудимого. Судебная тяжба представляет собой «борьбу, спор о справедливости и несправедливости, вине и невиновности, о победе и поражении» [13].

Речевое взаимодействие в судебном процессе организовано вокруг конфликта целей: цель прокурора – убедить присяжных в виновности подсудимого, предоставить доказательства его причастности к совершению преступления, в то время как адвокат пытается добиться признания подсудимого невиновным.

Рассмотрим пример.

Адвокат: Почти все подписи разными ручками выполнены. Есть основания полагать, что подписи выполнены в разное время, и не во время проведения следственных действий, а до или после. И в ином месте.

Судья: Это на основании чего?

Адвокат: А визуально. Если мы возьмём лист дела 160, обратите внимание. Первая подпись выполнена синей гелевой ручкой, вторая – чёрной ручкой, третья – чёрной, четвёртая – шариковой ручкой, пятая – также синей ручкой оттенка, отличающегося от первых двух. То есть три разных ручки.

Прокурор: В законе не написано, какой ручкой расписывается участник следственного действия. Он может расписываться своей ручкой, может расписываться ручкой следователя. Поэтому эти догадки не имеют под собой почвы.

Адвокат: Да, в законе не указано, какой ручкой должно выполняться подписание следственного документа, но в законе есть чёткое правило оформления документа. И все в целом нарушения, которые мы указали, вызывают сомнения не в подлинности данного документа, а в его достоверности (Дело Аракчеева)¹.

Адвокат обращает внимание на факт нарушения порядка ведения документов, однако прокурор ссылается на закон (*argumentum ad verecundiam*), кото-

рый выступает в роли авторитетного источника. Апелляция к положениям закона может рассматриваться как вполне достаточный аргумент. Но адвокат пытается вовлечь прокурора в конфликт, организуя следующее высказывание вокруг семантически размытых знаков *подлинность* и *достоверность*.

Агональное взаимодействие судебных ораторов поддерживается относительной симметрией их дискурсивных возможностей воздействия на вердикт присяжных. Так, за прямым допросом свидетеля стороной обвинения следует перекрёстный допрос процессуальным оппонентом. «В результате такого структурирования на основе чередования процессуальных действий сторон за любым анализом доказательств, предложенным одной стороной, следует изложение точки зрения, противостоящей этому анализу» [9]. На каждый коммуникативный ход предусмотрена возможность ответного хода. В этом состоит сущность агонального дискурсивного взаимодействия, которое делает возможной конкуренцию двух разных конструкций мира.

Обратим внимание на привилегию, которой пользуется адвокат, именуемую *favor defensionis* («благоприятствование защите»). Данный термин был выработан в ходе рецепции римского права германскими процессуалистами XVII века. Наибольшее развитие концепция получила в немецкой доктрине XVII–XIX веков, которая усматривала ее суть в «асимметрии» правил о допустимости и оценке доказательств и применяла ее в теории доказывания для компенсации изъянов системы формальных доказательств [7]. В соответствии с данным принципом, защитник имеет право выступать в прениях после обвинителя, что позволяет дезавуировать доводы последнего, вводить в речь контраргументы. Это, без сомнения, усиливает перлокутивный эффект защитительной речи. Кроме того, выступление после прокурора дает адвокату еще одно преимущество – «эффект края»: под впечатлением его речи присяжные удаляются в совещательную комнату. Необходимо, однако, отметить, что выступление после прокурора сопряжено и с определенными трудностями: присяжные уже вовлечены в контекст ситуации по направлению, предложенному стороной обвинения. Тем более что прокуроры нередко пытаются разрушить даже предполагаемые аргументы, которые могут быть положены стороной защиты в основу формируемого контекста ситуации, действуя по схеме: *Защита будет утверждать, что Однако/Но...*

Защита будет акцентировать ваше внимание на том обстоятельстве, что по делу не проведена криминалистическая экспертиза по установлению механизма образования пятен крови на одежде обвиняемого Артемьева <...>. Но доводы Артемьева тщательно проверялись как на следствии, так и в суде².

Следует обратить внимание еще на одну особенность судебной коммуникации, связанную с ее

¹ Стенограмма по делу Аракчееву. URL: <http://www.arakcheev.info> (дата обращения: 12.05.2018).

² Стенограмма по делу Артемьеву. URL: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=866&pub_name (дата обращения: 17.07.2017).

агональным характером, – наличие у оппонента средства предотвращения развития оратором невыгодной конфигурации дискурса. Таким средством является право заявлять протесты. В русском судебном дискурсе юристы вербализуют протест с помощью морфологических форм глаголов *возразжать* и *протестовать*:

Ваша честь, я протестую. Данные выводы недопустимы.

Судья либо удовлетворяет протест (*Протест принят* или *Принимается*), либо отклоняет его (*Протест отклонен*):

Как показал анализ эмпирического материала, к основным причинам заявления протеста оппонентами можно отнести следующие:

1) нарушение постулата количества: оппонент задает свидетелю вопрос, на который ранее уже был получен ответ, либо задает так называемые наводящие вопросы, которые уже содержат в себе указание на ответ или факты, которые должны войти в основу ответа;

2) нарушение постулата релевантности: оппонент задает вопрос, который не относится к существу рассматриваемого дела;

3) нарушение постулата качества: утверждение о фактах, не подтвержденных доказательствами. Задавая вопрос, оппонент утверждает о каком-либо факте, который не подтверждается имеющимися в деле доказательствами. Данный протест также заявляется в случае, если свидетель не обладает достаточными специальными знаниями, чтобы ответить на вопрос, требующий таких знаний. Кроме того, протест может заявляться, если вопрос предлагает свидетелю угадать ответ, а не дать его, основываясь на известных фактах.

4) нарушение постулата способа: протест заявляется, когда заданный свидетелю вопрос содержит в себе несколько вопросов, что может привести к замешательству свидетеля при даче ответа, либо вопрос сформулирован недостаточно точно, чтобы свидетель мог дать корректный ответ.

2. Под воздействием фактора личности участников (конфликтный тип личности, склонность к экспрессивному поведению) дискуссионная агональность имеет тенденцию трансформироваться в **конфронтативную**. Ведущей здесь становится коммуникативная интенция выяснения отношений. Рассмотрим фрагмент диалога адвоката и прокурора.

Адвокат: *Вы проверяли, проводили какой-нибудь следственный эксперимент, можно вытащить ногу или нельзя?*

Прокурор: *Вы же читали материалы дела, знаете.*

Адвокат: *Я, естественно, читал, поэтому считаю, что можно было бы это сделать не так кустарно, как я (надевает цепь на ногу). Я хочу сказать, что нужно не заниматься выдумыванием доказательств, а все-таки апеллировать к фактам.*

Прокурор: *Это Вы на меня намекаете что ли?*

Адвокат: *Не на Вас, а на Ваших поднадзорных³.*

Стремление вступить в конфликт проявляется как нежелание прокурора дать прямой ответ на вопрос адвоката. В развитии конфликтной ситуации склонный к экспрессивному поведению прокурор обнаруживает в словах адвоката обвинение в непрофессионализме. Однако адвокат, пытаясь избежать открытого конфликта с прокурором, перекладывает ответственность за результаты эксперимента на следственные органы.

Прокурор: *Ваша честь, хотелось бы знать, откуда данная видеозапись появилась?*

Адвокат: *Мои помощники обошли близлежащие здания, на которых установлены камеры слежения. Понятно?*

Прокурор: *Теперь, после ваших пояснений, понятно.*

Адвокат: *Могли бы догадаться.*

Прокурор: *Владимир Станиславович, я прокурор, у меня доказательства, а не догадки.*

Судья: *Коллеги, не увлекайтесь⁴.*

Адвокат, недовольный высказанными прокурором сомнениями в достоверности представленного доказательства, пытается создать конфликтную ситуацию и намеренно формирует вызывающее, некорректное высказывание, которым имплицитно ставит под сомнение профессионализм прокурора, нарушая тем самым принцип вежливости. Судья, выступая в роли арбитра, пытается предотвратить развитие конфликта и вернуть взаимодействие оппонентов к отношениям агональности первого типа.

3. Нельзя отрицать наличие в судебном споре и игровой агональности.

Диалектика права и языка отражена в людической концепции социальных отношений Й. Хейзинги [2003], согласно которой многие социальные сферы (право, политика, искусство, язык) представляют собой игру. Исследователь отмечает, что в древних цивилизациях судопроизводство подчинилось тройкой классификации: 1) суд как состязание; 2) суд как азартная игра; 3) суд как словесный поединок. Борьба адвоката и прокурора происходит на глазах зрителей – присяжных заседателей, которые и определяют победителя. В качестве рефери выступает судья. Победа для обвинителя и защитника часто заключается не в установлении истины по делу, а в выигрыше, материальном или моральном удовлетворении от осознания своего превосходства, от мастерски сыгранной роли.

Судебный процесс часто сравнивается с театральным представлением и со спортивным состязанием. Наличие принципиальной возможности выигрыша, четкое распределение «актерских» ролей, внешний вид судей, облаченных в мантию («театральный костюм») и парик (в судах США и Англии), символ в виде судейского молотка свидетельствуют в пользу игрового характера судебного процесса.

³ Суд присяжных. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6eD3MCw-o8&t=34s> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴ Там же.

Еще одним несомненным доказательством игрового характера судебного разбирательства является наличие заранее оговоренных правил, которые регулируют коммуникативное взаимодействие в зале суда. Как справедливо отмечает Е.Ю. Куницына, любая игра имеет регламентированный характер и подчиняется определенным правилам [3]. О роли правил как неотъемлемом элементе игры говорит Й. Хёйзинга, определяя последнюю как «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам с целью, заключающейся в нем самом [13].

Правила судебной коммуникации могут иметь как универсальный (постулаты принципа кооперации, правила аргументации, принципы вежливости), так и специфический характер, определяя порядок коммуникативного взаимодействия исключительно в зале суда (правила ведения судебного допроса, правила постановки вопросов свидетелям, правила инструктирования присяжных и т. п.).

Дискурсивные практики представляют собой часть социальных практик – форм социального взаимодействия, в основе которых лежит определенная совокупность приемов производства, восприятия и интерпретации текстов, принадлежащих одной и той же дискурсивной формации. Судебные дискурсивные практики – это устойчивая традиция дискурсивной деятельности в суде, лингвосомиотически отражающая правовую культуру, включенная в нее и ее характеризующая. Судебные дискурсивные практики основаны на юридических правилах и нормах, которые вырабатываются дискурсивным сообществом юристов, осуществляющим институциональный контроль за их соблюдением. Одним из принципов, на основе которых осуществляется правосудие, является состязательность, придающая коммуникации в суде агональный характер. Агональность как прототипический признак судебной коммуникации обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных дискурсивных практик. Он задается относительно автономно, независимо от личности участников судебного процесса. Наличие противоборствующих сторон, отношений соперничества, разница интенциональных состояний, участников, полярные коммуникативные цели, стремление к победе позволяют утверждать агональную природу судебной коммуникации.

Крапивкина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей института лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск), koa1504@mail.ru

Литература

1. Богомазова, В.В. Взаимосвязь агональности и категории чуждости в судебном дискурсе / В.В. Богомазова // Известия ВГПУ. – 2014. – № 10(95). – С. 35–40.
2. Ковалева, Л.М. О прототипических и непрототипических единицах модально-предикативного конституента предложения / Л.М. Ковалева // Прототипические и непрототипические единицы в языке / отв. ред. Л.М. Ковалева; под ред. С.Ю. Богдановой, Т.И. Семеновской. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 9–34.
3. Куницына, Е.Ю. Лингвистические основы юридической теории художественного перевода: 10.02.19: дис. ... д-ра филол. наук / Е.Ю. Куницына. – Иркутск, 2011. – 474 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
5. Литвиненко Т.Е. Прототипичность vs. инвариантность в значении текста / Т.Е. Литвиненко // Вестник ИГЛУ. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 140–147.
6. Минюшев, Ф.И. Социальная антропология (курс лекций) / Ф.И. Минюшев. – М.: Международ. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 192 с.
7. Михеевкова, М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Михеевкова. – М., 2012. – 279 с.
8. Ницше, Ф. Философия в трагическую эпоху / Ф. Ницше. – М.: REFL-BOOK, 1994. – 416 с.
9. Палашевская, И.В. Судебный дискурс: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.В. Палашевская. – Волгоград, 2012. – 389 с.
10. Петрухина, Л.И. Судебная власть / Л.И. Петрухина. – М.: ООО ТК «Велби», 2003. – 720 с.
11. Семёнова, Т.И. Модус как прототипическая категория / Т.И. Семёнова // Прототипические и непрототипические единицы в языке / отв. ред. Л.М. Ковалева; под ред. С.Ю. Богдановой, Т.И. Семеновской. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 35–48.
12. Солдатова, А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовном процессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Солдатова. – Тверь, 2013. – 155 с.
13. Хёйзинга, Й. *Homo Ludens*. Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 416 с.
14. Шейгал, Е.И. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е.И. Шейгал, В.В. Дешевцова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34 (172). – С. 145–148.

Поступила в редакцию 18 сентября 2018 г.

AGONALITY AS A PROTOTYPICAL FEATURE OF COURTROOM DISCOURSIVE PRACTICES

O.A. Krapivkina, koa1504@mail.ru

Irkutsk National Research technical University, Irkutsk, Russian Federation

The article deals with agonality as a prototypical feature of courtroom discourse. It argues that agonality as a struggle for power is one of the elements of culture. It is an immanent feature of any human activity. The author describes the judicial process in Ancient Greece and Rome, and pays attention to the agonal nature of the Russian judicial system. The article identifies and analyzes three types of agonality: dispute, confrontation, and game. The article concludes that agonality as a prototypical feature of courtroom communication has peculiarities determined by the objective nature of courtroom discursive practices. It does not depend on courtroom participants. Transcripts of courtroom proceedings available on the Internet and transcripts of the Russian courtroom TV show “Sud prisyazhnykh” (“The Jury Trial”) are used for the research purposes.

Keywords: courtroom discursive practice, prototype, agonality, game.

References

1. Bogomazova V.V. Vzaimosvyaz' agonal'nosti i kategorii chuzhdosti v sudebnom diskurse [Relation of Agonality and Foreignness in Courtroom Discourse]. *Proceedings of VSPU*. 2014, issue 10(95), pp. 35–40.
2. Kovalyova L.M. O prototipicheskikh i neprototipicheskikh edinicah modal'no-predikativnogo konstituenta predlozheniya [On Prototypical and Non-prototypical Units of the Modal and Predicative Constituent of the Sentence]. *Prototypical and non-prototypical linguistic units*. Irkutsk, 2012. pp. 9–34.
3. Kunitsyna E.Y. *Lingvisticheskie osnovy lyudicheskoy teorii hudozhestvennogo perevoda* [Linguistic Basis for the Ludic Theory of Literary Translation]. Irkutsk, 2011. 474 p.
4. Liotar J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodern]. St. Petersburg, 1998. 160 p.
5. Litvinenko T.Y. Prototipichnost' vs. invariantnost' v znachenii teksta [Prototypicality vs. Invariantness in the Meaning of the Text]. *Bulletin of ISLU*. 2012, issue 2(18), pp. 140–147.
6. Minyushev F.I. *Sotsial'naya antropologiya* [Social Anthropology]. Moscow, 1997, 192 p.
7. Mikheenkova M.A. *Blagopriyatstvovanie zashchite (favor defensionis) i ego proyavlenie v sovremennom ugolovnom processe* [Favor Defensionis and its Use in Modern Criminal Procedures]. Moscow, 2012. 279 p.
8. Nietzsche F. *Filosofiya v tragicheskuyu ehphu* [Philosophy in the Tragic Era]. Moscow, REFL-BOOK, 1994. 416 p.
9. Palashevskaya I.V. *Sudebnyy diskurs* [Courtroom Discourse]. Volgograd, 2012. 389 p.
10. Petrukhina L.I. *Sudebnaya vlast'* [Judicial Power]. Moscow, 2003. 720 p.
11. Semyonova T.I. Modus kak prototipicheskaya kategoriya [Modus as a Prototypical Category]. *Prototypical and non-Prototypical Linguistic Units*. Irkutsk, 2012, pp. 35–48.
12. Soldatova A.A. *Rechevye strategii i taktiki advokatskogo diskursa v ugolovnom processe* [Discourse Strategies and Tactics of the Defense Attorney Discourse in the Criminal Trial]. Tver, 2013. 155 p.
13. Huizinga J. *Homo Ludens*. Moscow, 2003. 416 p.
14. Sheygal E.I., Deshevova V.V. Agonal'nost' v kommunikacii: struktura ponyatiya [Agonality in Communication: Notion Structure]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009, issue 34(172), pp. 145–148.

Olga A. Krapivkina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, koa1504@mail.ru

Received 18 September 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Крапивкина, О.А. Агональность как прототипический признак судебных дискурсивных практик / О.А. Крапивкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 15–20. DOI: 10.14529/ling180403

FOR CITATION

Krapivkina O.A. Agonality as a Prototypical Feature of Courtroom Discursive Practices. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2018, vol. 15, no. 4, pp. 15–20. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling180403